

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА БЕЗОПАСНОСТЬ, ЭКОНОМИКУ И ПОЛИТИКУ

© 2015 г. **В.М. Кульков, И.М. Теняков***
МГУ им. М.В. Ломоносова

В монографии Е.А. Роговского «Кибер-Вашингтон: глобальные амбиции»^{**}, анализируется влияние информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на разные стороны экономической и общественной жизни в США; раскрываются проблемы безопасности, экономической динамики, политики; выявляются политэкономические ракурсы информационного общества. В рецензии поднимается ряд дискуссионных вопросов.

Ключевые слова: *информационное общество, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), киберпространство, политическая экономия, экономическая политика.*

В свет вышла оригинальная и своевременная книга Е.А. Роговского со своеобразным (как сказали бы сегодняшние студенты – «прикольным») названием «Кибер-Вашингтон: глобальные амбиции». В центре внимания автора – исследование киберпространства информационного общества, выражающего важнейший современный тренд мирового развития и порождающего много новых и необычных вопросов.

В книге рассматривается широкий спектр общественной жизни современного мира, и в особенности США, компетентным знатоком которых, безусловно, является автор. Исследование носит междисциплинарный характер: здесь присутствует экономический, технико-технологический, социологический, политологический, геополитический анализ и вкрапления из разных других наук, дисциплин, жанров. Это делает монографию объёмной и многоаспектной, что позволяет автору добиться комплексного освещения выносимых на обсуждение проблем. Одна из четырех глав работы называется «Политэкономия информационного общества». Это особенно важно подчеркнуть в год 210-летия (1804 г.) начала преподавания политической экономии в родном для автора Московском университете имени М.В. Ломоносова накануне 400-летия (1615 г.) введения в научный оборот самого термина «политическая экономия».

* КУЛЬКОВ Виктор Михайлович – доктор экономических наук, профессор МГУ им. В.М. Ломоносова; ТЕНЯКОВ Иван Михайлович – кандидат экономических наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова.

^{**} Роговский Е.А. Кибер-Вашингтон: глобальные амбиции. М.: Международные отношения, 2014. – 848 с.

При весьма серьёзном содержании книга написана живым, понятным языком, что делает её интересной для широкого круга читателей, а не только для узкого круга американистов. Помогает этому и широкий набор приложений (более 200 страниц), хорошо иллюстрирующих и детализирующих формулируемые автором содержательные положения своего исследования, а также глоссарий основных понятий и богатый список отечественных и зарубежных научных первоисточников, официальных документов США, ЕС и международных организаций.

Укрупнённо структура монографии выглядит следующим образом. В первой главе рассматриваются параметры и конкретные характеристики современного информационного общества с акцентом на его неоднородность и порождаемые им новые проблемы. Во второй главе раскрываются основные направления политики США в киберпространстве под углом зрения новых вызовов, порождаемых информационной эпохой, в особенности в сфере кибербезопасности. Третья глава, как уже было отмечено, нацеливает внимание читателей на фундаментальные политэкономические аспекты рассматриваемой в работе проблематики. Наконец, в четвёртой главе проводится анализ экономической политики администрации Обамы в условиях продолжающегося мирового кризиса. Несмотря на кажущуюся обособленность этой последней главы от остальных глав, между ними, на самом деле, есть связывающие их «мостики»: по крайней мере, невозможно понять современную экономическую динамику, если абстрагироваться от действия информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Следует напомнить, что в обширных научных дискуссиях о причинах последнего мирового экономического кризиса выделялось указание на начавшийся в мире переход к новому технологическому укладу и всё более ощущаемую болезненность этих изменений.

Обратим внимание на самые значимые проблемы, затрагиваемые в работе, их содержание и дискуссионные аспекты.

Проблематика информационного общества привлекает большое внимание исследователей на протяжении двух последних десятилетий. В ходе дискуссий были проанализированы многие аспекты данной проблематики. Затрагивался и вопрос безопасности. Важно отметить, что в исследовании Е.А. Роговского вопрос *о влиянии информационного общества (или более конкретно – ИКТ) на безопасность* приобрёл системное звучание, сопровождаясь многообразными детализациями и конкретными примерами. Тотальное проникновение ИКТ в жизнь современного общества заставляет всерьёз (а не в форме благостных постиндустриальных фантазий) задуматься об обеспечении безопасности человека, фирмы и государства, а также суверенного социально-экономического и политического развития. Автор раскрывает данную проблему, прежде всего, применительно к американской экономике и американскому обществу, однако, сделанные им выводы применимы и к другим странам. Они крайне актуальны и для современной России, находящейся на трудном этапе поиска собственной модели развития и встречающей на этом пути жёсткое противодействие со стороны глобальных игроков по самым разным направлениям – экономики, политики, обороны, культуры и др.

Важно отметить, что исследование проблем безопасности не ограничивается в данной книге узкофункциональными аспектами. Автор отталкивается от более глубоких основ (здесь ему как раз и помогает отмеченный выше политико-экономический настрой), обращая внимание на проблему усиления информационной асимметрии, которая приводит к неравенству возможностей различных действующих лиц (индивидов, компаний, государств). В книге обращается внимание на ряд последствий асимметрии: неадекватное качество информационного обеспечения государственной политики, ужесточение методов ведения конкурентной борьбы, углубление политической поляризации международного сообщества (с. 63). Наряду с неравенством возможностей доступа к информации возникает неравенство возможностей по обеспечению безопасности (как личной, так и корпоративной и государственной), а также неравенство ответственности за неадекватное поведение в киберпространстве. Автор подчёркивает, что отмеченные виды неравенства зависят от так называемой «квадратуры Интернета», которая для каждого конкретного пользователя определяется соотношением четырёх характеристик: прозрачности, анонимности, ответственности поведения и информационной безопасности (с. 66). Эти характеристики находятся в противоречивой связи между собой. Наиболее остро выражено противоречие между прозрачностью и анонимностью, причём как на уровне отдельных индивидов, так и на уровне государства. При этом в книге большое внимание уделяется возможностям, которые ИКТ предоставляют частным корпорациям, и подчёркивается, что эти возможности в большинстве случаев превышают возможности государственных служб. Иначе говоря, государственный «Большой брат» в большинстве случаев проигрывает «Большим братьям» частных корпораций, которые заинтересованы в сборе персональной информации пользователей Интернета в целях извлечения прибыли и обычно владеют более совершенными ИКТ, нежели государственные структуры, функционирующие в рамках устаревающих бюрократических регламентов. Автор показывает, что при экстраполяции современных тенденций развития вычислительных мощностей и объёма памяти компьютеров в США через 20 лет любая крупная частная организация будет в состоянии круглосуточно мониторить ежедневное поведение любого и каждого из 330 млн. жителей США, в результате чего неконтролируемое компьютерами пространство просто исчезнет (с. 87).

Большое внимание в монографии Е.А. Роговского уделяется проблемам личной безопасности при использовании Интернета. Автор показывает, что, хотя для рядовых пользователей «Всемирной паутины» иллюзия анонимности может сохраняться, в реальности никакой анонимности в сети не существует. В книге приводятся результаты исследований Кембриджского университета и Европейского парламента о развитии наблюдающих технологий и некоторые другие, подтверждающие данный тезис. Эти исследования показали, что в реальной жизни с самого первого клика мышкой в браузере все манипуляции с компьютером фиксируются. Фиксация осуществляется и провайдерами, и почтовыми серверами, и социальными сетями. Почтовые серверы изучают трафик пользователей, чтобы, как минимум, вставить рекламу, соответствующую интересам данного пользователя. И это лишь наиболее безобидное следствие

транспарентности Сети. Гораздо хуже, если перепиской пользователя интересуются спецслужбы США, так как стремление проводить свои интересы под предлогом действительной или мнимой «борьбы с терроризмом» оборачивается нарушением безопасности граждан, находящихся порой на другом конце Земли. Следует также отметить, что социальные сети, например «Фейсбук» (*Facebook*), вводят пользователей в заблуждение, когда якобы «удаляют» информацию по команде пользователя.

В реальности такая информация запоминается и может быть использована в коммерческих целях. В книге подробно раскрывается феномен «обратного бизнеса», когда «основной доход компании складывается не из платы пользователей за предоставленные услуги выхода в Интернет, а из средств рекламщиков, которые те платят за персональные данные клиентов провайдера» (с. 133). В результате формируется «общество наблюдения», подрывающее основы подлинной демократии. В этой связи хотелось бы подчеркнуть актуальность содержащихся в работе выводов в отношении субъектов, извлекающих выгоду из использования ИКТ. Это не только и не столько государственные службы (в том числе разведка), о чём известно давно, но и крупные корпорации, делающие деньги на использовании персональных данных пользователей, на что обращают внимание далеко не все авторы, пишущие на темы информационного общества и безопасности.

В книге подтверждается вывод о том, что темпы роста ИКТ опережают темпы развития правовой базы, что затрудняет проведение в жизнь государственного регулирования правил поведения в Сети защиту пользователей от алчности корпораций. Отмечается, что принимаемые законы «о защите персональных данных» и т.п. могут просто не работать из-за отсутствия соответствующих возможностей их реализации. Вывод автора: государство не всегда может (или хочет) защитить конфиденциальную информацию своих граждан и бизнеса, фактически закрывая глаза на создание одними участниками рынка ситуации информационного преобладания, когда они систематически «подсматривают в карты других» (с. 149). Такая информационная асимметрия создаёт устойчивое преимущество для отдельных участников бизнеса, а потому говорить о применимости моделей совершенной конкуренции в информационной экономике неправомерно.

Автор подчёркивает, что противоречия в сфере киберпространства приводят к снижению доверия и размывают устои гражданского общества. «Право человека на конфиденциальность стоит очень дорого, а потому становится доступным только для элиты» (с. 187). В плане международных отношений ситуация усложняется тем, что политика США в киберпространстве носит глобальный характер, попирая информационный суверенитет и безопасность остальных участников мирового сообщества. В книге отмечается, что, формально выступая за «глобальное регулирование» (*Global governance*), предполагающее взаимную транспарентность, США вовсе не торопятся «открыться» для остальных участников, которые в ситуации информационной асимметрии оказываются в роли ведомых. Подчёркивается, что «правительство США поставило задачу предотвращения использования глобальной информационной инфраструктуры против интересов США. Это означает лишение конкурентов (не

только противников, но и партнёров) даже мизерной возможности сохранять свои коммерческие, научно-технические, политические и прочие секреты, что эквивалентно отрицанию права всех стран мира на сохранение информационного суверенитета» (с. 303).

Можно ли сохранить хотя бы частичную приватность в условиях информационного общества, или же развитие ИКТ полностью уничтожит всякое понятие конфиденциальной информации и права на частную жизнь? В книге не даётся прямых ответов на эти крайне актуальные вопросы, однако, размышляя о затронутых её автором проблемах, можно наметить хотя бы в общих чертах возможные способы противодействия вторжению ИКТ в частную жизнь. В конечном счёте ценность приватной информации зависит от того, какую чистую выгоду извлекают от её использования экономические субъекты. И если доход от подобной деятельности будет снижаться, а издержки, связанные с получением конфиденциальной информации, расти, то и чистая выгода от использования чужих данных нивелируется. Можно было бы поискать конкретные меры, которые способны привести к снижению заинтересованности экономических агентов в несанкционированном использовании приватной информации. Ими, как нам представляется, могли бы стать: совершенствование системы защиты персональных данных, что повысит издержки сбора информации; проведение широкой культурно-просветительской работы с населением на предмет рисков и угроз, которые несут в себе ИКТ, поскольку далеко не все пользователи Интернета осознают возможные последствия оставляемых ими информационных следов; упрощение порядка судопроизводства по делам, связанным с защитой пострадавших от несанкционированного использования приватной информации; ужесточение наказания (в частности, многократный рост суммы компенсаций) для нарушителей чужой приватности; широкое распространение культуры нетерпимости к несанкционированному использованию чужих персональных данных. Конечно, эффективность указанных мер будет заметно ниже, если перейти от национального уровня к глобальному, поскольку усиление глобальной конкуренции стимулирует развитие любых методов, которыми может быть достигнуто преимущество в конкурентной борьбе.

Здесь можно в определённой степени провести параллель с общим американским поведением в мире, когда (особенно в последние два десятилетия) часто попираются суверенные права целых стран, при том что США выставляют себя как «образец демократии» и имеют немало конкретных механизмов обеспечения этого внутри страны. Америка показывает бесцеремонное вмешательство в дела других стран и их политиков с помощью специальных ИКТ, что особенно обнаружилось в разоблачениях Э. Сноудена. Автор книги со знанием дела показывает, что «киберполитика США порождает новые угрозы международной безопасности» (с. 474). Здесь уместно будет привести слова главы МИД РФ С.В. Лаврова, который, комментируя выступление президента США на последней Генеральной Ассамблее ООН (сентябрь 2014 г.) и прозвучавшие в нём антироссийские пассажи, отметил: «Это американский взгляд на мир, взгляд на мир, который изложил президент [США], неоднократно подчёркивавший и свою, и собственной страны исключительность, и взгляд на

мир страны, которая в своей доктрине о национальной безопасности записала своё право независимо от каких-либо решений СБ ООН или других международно-правовых актов применять силу по своему усмотрению»¹.

Скорее всего, полностью восстановить право на конфиденциальность в условиях развития ИКТ невозможно, и в этом с Е.А. Роговским можно согласиться, но, по крайней мере, нужно постараться сильно усложнить жизнь любителям подглядывать в чужие замочные скважины. С другой стороны, конечно же, надо принимать как неизбежность процесс усложнения и противоречивости общественной жизни в эпоху информационного общества.

Как уже отмечалось, в рассматриваемой монографии поднимаются также актуальные вопросы *«политэкономии информационного общества»*. Автор подчёркивает, что развитие ИКТ трансформирует всю систему социально-экономических отношений, включая процесс воспроизводства и его отдельные фазы, накопление капитала и экономический рост, деньги и денежное обращение и др. Выше уже говорилось о влиянии информационной асимметрии на характеристики рынка, возникновение специфических структур несовершенной конкуренции (по-другому (с. 484) – «экономики несправедливой конкуренции»), связанной с информационным доминированием одних участников рынка над другими. Однако ИКТ трансформируют не только сферу обращения, но и сферу производства. Внимание читателей обращается на возникновение принципиально новых товаров, ценность которых определяется уже не столько объективными факторами – издержками производства и непосредственно потребительскими свойствами данного товара, сколько сопровождающей товар информацией: на таком рынке цену получает не столько сам товар, сколько поставляющая его компания (с. 356). При этом указывается на следующую особенность рынка в информационной экономике: возможность неограниченной эмиссии различного рода частных средств платежа (как банковской системой, так и небанковскими финансовыми институтами) приводит к нивелированию традиционной для экономической теории проблемы выбора при ограниченном бюджете. В информационной экономике США «бюджетное ограничение» хозяйствующих субъектов становится весьма условным, ведь им всегда доступен дополнительный безналичный кредит. Правда, следует отметить, что эта «условность» имеет и обратную сторону – крайне болезненное влияние последствий мирового экономического кризиса на большинство домашних хозяйств, активно вовлеченных в операции на фондовом рынке, чему в книге не уделено должного внимания.

Автор раскрывает способы, при помощи которых в информационной экономике США «связывается» избыточная денежная масса. Она направляется не на рынки товаров конечного потребления, а на рынки подержанных товаров, ценных бумаг и разных виртуальных сокровищ. Так, по оценкам дилеров, доля продаж подержанных (б/у) малых самолётов и автомобилей к концу XX века достигала 80–90% общего объёма продаж на данных сегментах рынка (с. 365). Продолжая и развивая политэкономические рассуждения автора, можно отметить, что в этом случае огромная масса потребительских товаров фактически

¹ www.lenta.ru/news/2014/09/24/lavrov/

остаётся «товарным капиталом», не достигая сферы конечного потребления. Собственники этого «капитала» стремятся извлечь из его реализации доход, продавая подержанные вещи по цене ниже цены первоначального приобретения, но выше, чем их реальная стоимость с учётом частичной потери потребительских свойств. Также можно констатировать, что в этой связи возникает эффект завышения показателя ВВП, поскольку доход финансовых посредников при его подсчёте учитывается. Сказанное верно и для разбухшего сектора финансовых услуг. Хотя стоимость ценных бумаг не включается в показатели выпуска, но в них учтены косвенно измеряемые услуги финансового посредничества, которые оцениваются в зависимости от маржи, получаемой на разнице курсов ценных бумаг. Таким образом, чем выше колебания курсов акций, тем больше и доходы финансовых посредников, и показатель ВВП и темпы экономического роста.

Характеризуя черты новой информационной экономики, Е.А. Роговский выделяет такие её особенности (с. 384–394), как кастомизация производства – ориентация производства на предварительные заказы покупателей; возникновение нового (виртуального) пространства рынка, когда потребители могут сравнивать предложение товаров различных фирм во всём мире, не отходя от компьютера; развитие схем опережающего кредитования, фактически означающее «полное закабаление клиентов, которые в этом случае не смогут расплатиться никогда» (с. 395); а также уход капитала в финансовый сектор в связи с ускорением мобильности капитала. Традиционная схема капиталистического накопления перестаёт работать, поскольку время оборота капитала становится значительно меньше срока, соответствующего окупаемости промышленных инвестиций и обоснованного с технологической точки зрения (с. 394). Происходит отказ от господствовавшей модели инвестиционного рынка (с. 479), поскольку на первый план выдвигается не столько рост производства, сколько динамика цен (котировок) неких лотов (залогов), причём независимо от их объективной стоимости.

Останавливаясь на особенностях экономического роста, автор отмечает тенденцию увеличения доли сферы услуг в структуре ВВП США, в том числе услуг финансовых. Автор не описывает нюансы, связанные с изменением методик расчётов макропоказателей, но отмечает, что развитие информационной экономики приводит к завышению соответствующих макровеличин. При этом меняется и форма накопления капитала: теперь капитал наращивается не путём капитализации прибыли от производства товаров и услуг, а за счёт возрастания стоимости ранее приобретённых активов. Государство же должно поддерживать этот процесс, в том числе производя особую информационную продукцию – «позитивные имиджи» (с. 401).

Гипертрофия финансового сектора, либерализация финансового регулирования (в частности, отмена в 1999 г. в США закона Гласа – Стиголла, разделившего коммерческую и инвестиционную банковскую деятельность) вызвали диспропорции в глобальном масштабе. Появление всё более изощрённых финансовых инструментов стимулировало активный потребительский бум в США, а экономический рост всё в большей степени основывался на заимствованиях у будущих поколений. На уровне мира в целом возрастал разрыв ме-

жду глобальным спросом и глобальным предложением. «Одна часть мира живёт далеко не по тем средствам, которыми она обладает; другая часть производит продукции больше, чем она сама может потребить» [1, с. 234]. Подтверждение данного высказывания Дж. Стиглица находим и в книге Е.А. Роговского: автор, на основе данных о глобальном движении капитала, обосновывает тезис о том, что «одна из главных причин глобализации – насущная необходимость обеспечивать постоянный приток в США капитала извне» (с. 375). При этом можно отметить, что демонстрация роста американской экономики необходима США для капитализации её имиджа, обеспечения доверия к ней и, как следствие, улучшения инвестиционного климата и сохранения доллара в качестве мировой меры стоимости, накопления, расчётов, а также мировой универсальной денежной единицы при расчёте статистических данных.

Развивая анализ экономического роста в информационной экономике, представленный в книге, отметим, что, несмотря на значительное увеличение доли сферы услуг в структуре американского ВВП, темпы роста отраслей, производящих товары, в последние годы несколько превышали темпы роста сферы услуг, хотя падение производства товаров в период кризиса было глубже. По нашим оценкам, рассчитанным на основе данных Бюро экономического анализа США, в 2012 и 2013 гг. темпы роста валовой добавленной стоимости в производстве товаров в США составили 3,3% и 3,1% соответственно, в то время как в производстве услуг они составляли 2,3% и 1,4%. Однако анализ структуры прироста ВВП США показывает, что отрасли производства услуг по-прежнему доминируют – на них приходится свыше 60% прироста реального ВВП, что подтверждает выводы Е.А. Роговского. Некоторое увеличение доли производства товаров в структуре прироста ВВП (по нашим оценкам она выросла с 27,5% в 2010 г. до 34,4% в 2013 г.) можно связать с процессом реиндустриализации, частичного возвращения в США производств, ранее выведенных в другие страны с низкой стоимостью рабочей силы (одной из причин стало внедрение в производство промышленных роботов).

Закономерным является вопрос: каким может быть будущий рост в информационной экономике? Автор монографии в данном вопросе солидарен с М. Хазиным, который отмечает ограниченность возможности смены технологических укладов в связи с географическим ограничением рыночного пространства: ведь глобальный рынок ограничен территорией земного шара. Представляется, что такое видение «так называемого вопроса о рынках» слишком прямолинейно, оно недостаточно учитывает другие аспекты и координаты возможного расширения внутреннего рыночного пространства. Как было показано ещё российскими марксистами в конце XIX – начале XX веков, рынок может раздвигать свои границы не только вширь, но и вглубь. Так, ими было отмечено, что дальнейшее развитие разделения труда и специализации производства приводят к возникновению и расширению производства новых товаров – прежде всего, средств производства, а, следовательно, и производительного потребления. Такой подход, конечно же, известный автору ещё со студенческих лет изучения политической экономии в МГУ, как представляется, не утратил своего потенциала. Рынок находит всё новые возможности своеобразного расширения своего пространства и в наше время, плодя и реа-

лизуя разнообразные потребности, в значительной степени фиктивные или избыточные (псевдоновые товары; финансовые услуги, доходящие до фондовых и кредитных «пузырей»; информационный спам, разные формы «цифрового обмана» и прочие). Многие из них функционируют в режиме превращённых («превратных») форм, «симулякров», своеобразно, деформированно способствуя тем самым расширению рынка. Но, конечно, усиливает своё поле и позитивный производительный сектор информационных продуктов рыночной экономики, расширяющий экономические и социальные возможности. Расширяется и сфера предметов личного потребления, которые раньше могли, например, производиться в домашнем хозяйстве. Не случайно макроэкономическая статистика учитывает условно исчисленную стоимость продукции, производимой в домашнем хозяйстве, хотя настоящего рынка для такой продукции ещё не существует. Всё это говорит о том, что рынок и в новых условиях находит разнообразные (в значительной мере – нездоровые, непроизводительные) возможности расширения своей сферы. При этом следует отметить, что на таком пути своего развития рынок может вступить (и уже вступает) в противоречие с фундаментальными ценностными основами существования общества. Углубление рынка через распад семейных и иных общественных (т.е. нерыночных) связей создаёт потенциал для новых конфликтов, а создание и мультипликация «симулякров» плодит «фальшивую» экономику.

Конечно, политэкономические координаты исследования информационного общества намного шире тех, которые использованы в книге, особенно если взять более широкую проблематику, рассматриваемую через призму характеристик постиндустриального общества. Здесь можно увидеть гораздо больше возникающих противоречий, среди которых противоречия между информативно-технократическим и социально-духовным, между элитарно-интеллектуальным и массово-групповым, между индивидуально-творческим и коллективным, между автономизацией деятельности и социальной солидарностью (защищённостью), между интернационализацией (космополитизацией) и национальной идентичностью, между денежными стимулами и этикой долга и т.д. Они тоже заслуживают исследовательского внимания, а нахождение конкретных форм разрешения указанных противоречий в условиях «новой экономики» – непростая задача. Кроме того, гораздо более широким является круг категорий политэкономии (экономической теории), нуждающихся в «просмотре» через призму информационного общества. Необходимо иметь в виду и то, что эти категории обладают мощным потенциалом фундаментальности, чтобы их можно было «испепелить» с помощью «кибератак». При всей важности признания модификации данных категорий в новых условиях здесь не должно быть легковесности подхода.

Но при всем этом, надо, конечно же, отдать должное автору рецензируемой книги. Он убедительно показывает необходимость учёта новых процессов, вскрывает их суть и формы, раскрывает необходимость и способы их теоретического отражения. Эта работа выгодно отличается от многих других исследований по данной проблематике, в которых преобладает либо эмпиризм без всякого соприкосновения с «большой теорией», либо высокопарный академизм без знания богатой и неоднозначной конкретики. При этом в них чаще всего

преобладают указания на положительные эффекты «новой экономики», доходящие чуть ли не до признания перехода к идеальной модели общества. Е.А. Роговский прекрасно видит эти перекосы и, исходя из этого, ставит своей задачей «обозначить хотя бы основные негативные последствия широкого коммерческого распространения ИКТ» (с. 436).

Очень интересен и проводимый в конце книги *анализ экономической политики* американской администрации в период последнего мирового кризиса. Подробно рассматриваются конкретные предпринятые меры – особенно в области бюджетно-налоговой политики. Раскрываются факторы, влиявшие на выбор экономических решений, включая воздействие политического цикла. Противоречивость антикризисных действий администрации Обамы нашла своё отражение в термине «последовательная непоследовательность». Стоит обратить внимание и на то, что указанные действия сопрягаются в книге с другими этапами развития американской экономики. Любопытны параллели с рейганомикой, значимые элементы которой использовались администрацией демократов.

Богатый материал по кризисной тематике, содержащийся в работе, интересен не только для лучшего понимания динамики экономики США, форм и методов проводимой в стране антикризисной политики. Он обогащает само представление об особенностях современных циклических экономических колебаний, расширяет представление о способах антикризисного регулирования, о воздействии ИКТ на современную динамику экономики. Это важно и для выработки более адекватной экономической политики в России, находящейся в настоящий момент в непростом состоянии.

Здесь в качестве замечания и предложения обратим внимание на необходимость большего сопряжения конкретной кризисной тематики с фундаментальными теориями циклов и кризисов, перенесения политэкономического авторского «запала», реализованного в предыдущем разделе работы, и на указанный блок проблем. Довольно спорным является и сам термин «мировой финансовый кризис», используемый в работе: кризис, строго говоря, был таковым (в особенности в США) на первом этапе, распространившись затем и на другие сферы – и главное, на реальный сектор экономики. К тому же многие экономисты увидели здесь и воспроизводственные факторы циклического развития, включая и наметившийся в мире переход к новому технологическому укладу. В особой степени такая характеристика применима к российской экономике того периода, да и настоящего времени. Её динамика вобрала в себя характеристики и воспроизводственного кризиса, начавшегося ещё в советское время, и трансформационного кризиса, острота которого пришлась на 1990-е годы: эти кризисы были купированы, скрыты в период «тучных» лет и вышли на поверхность под воздействием мирового кризиса, сыгравшего своеобразную роль «спускового крючка». Совсем недавно (сентябрь 2014 г.) Председатель правительства РФ Д.А. Медведев, характеризуя непростую ситуацию в современной российской экономике, ссылаясь на экспертов, назвал её «сочетанием трёх кризисов – структурного, циклического и кризиса, связанного с ухудшением внешнеэкономических условий»². Непростое положение складывается и в странах ЕС, и в ряде других государств. Термин «финансовый кризис» приме-

² www.kapital-rus.ru/lite/larticle/795

нительно как к годам последнего мирового кризиса, так и к возможному ухудшению современного состояния, на наш взгляд, вряд ли адекватно отражает реальные процессы.

Обобщая разбор отдельных положений книги Е.А. Роговского, ещё раз отметим, что вниманию читателей представлено глубокое и богатое исследование важной и злободневной темы, имеющей большое научное и практическое значение. Оно ценно для исследователей современных мировых процессов и трендов; интересно для аналитиков американской действительности – экономической, социальной, политической; полезно для теоретиков-экономистов. Насыщенная богатой информацией, написанная живым и понятным языком, сочетающая «злобу дня» и основательность доказательств, монография Е.А. Роговского является заметным этапом исследования сложных и противоречивых процессов современного развития.

Список литературы

1. *Стиглиц Дж.Е.* Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо, 2011. 304 с.